

щему, слово характеризует не столько сам предмет, сколько лирическую тему. Создавая лексику эмоционального характера, Карамзин идет по пути накопления эпитетов. Это объясняется, быть может, тем, что возможность субъективизации прилагательного, возможность придавать ему заданный смысл и оттенок, построенные на ассоциативных созвучиях этого прилагательного, очень велика по сравнению с существительным, обладающим большой предметностью.

Карамзин, а вслед за ним и другие авторы сентиментального направления, отказавшись от свойственного классицизму сухого, «разумно-понятийного» истолкования семантики слов, находят новый способ выражения своих мыслей и чувств в художественном произведении. Вот как пишет об этом Гуковский: «Слово отрывается от сферы логической прикрепленности, и рождается новая замкнутость его, новый принцип метафоризма. Основа его — ощущение полисемии слова, недоступное классицизму... Мы на каждом шагу встречаемся с алогическими, с точки зрения сумароковского классицизма, сочетаниями слов, которые становятся возможными именно благодаря отрыву слова от своего непосредственного предметного значения».⁶

В произведениях Карамзина мы встречаем целый ряд эпитетов, основанных на метафоризации, предлагающей сравнение и логическое приравнивание разнородных на первый взгляд понятий: *бледная осень, бледный ужас, хладный мир, гордые волны, ветхая жизнь, хищная смерть*.

В творчестве писателей последующих поколений этот принцип метафоризации, получив дальнейшее развитие, обусловил возникновение большого количества новых эпитетов, чрезвычайно выразительных и ярких.

Эпитет, как категория образная, отражает в себе эволюцию поэтического сознания. Глубокое изучение эпитетов в творчестве писателей XVIII в. могло бы стать важной вехой на пути создания общей картины эволюции средств художественного изображения в русской литературе.

---

⁶ Там же, стр. 281--282.